

Есть два факта мировой истории, которые никому не могли бы показаться достоверными, если бы не имели они документального подтверждения. Это биография Михаила Васильевича Ломоносова и итоги первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Что касается такого явления, как Ломоносов, то невероятным является даже и то, что некий помор смог прийти вместе с рыбным обозом в столицу и, не встретив современных ему сословных преград, получить за счет госказны образование даже и за границей, стать учёным-естествоиспытателем мирового уровня. Но и голова этого ученого должна быть, наверно, размером с современный Московский государственный университет, если учесть, что предметами его научных исследований были и молекуляр-

но-кинетическая теория тепла, и физическая химия, и астрономия, и опто-механика с приборостроением, и география, и навигация, и геология, и теория электричества с метеорологией, и наука о стекле, и твёрдая ртуть, и даже охрана жизни да здоровья...

А еще Ломоносов явил прототип летательного аппарата...

Но и этого оказалось ему мало. Обнаружив, что со стороны гуманитарных дисциплин у России пустое место даже лопушком не прикрыто, химик и физик Ломоносов создает первый научный учебник русской грамматики, вносит свой весомый вклад в развитие риторики и в теорию стиля, а в области поэтического ремесла дерзает быть не только теоретиком, а и тем блистательным практиком, с которым потом будут соревноваться великий Державин и *наше всё* Пушкин:

*Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом...*

И совсем уж невероятным может показаться то, что и в области изобразительного искусства он проявил себя как непонятно откуда взявшийся, но вполне зрелый мастер, да еще и в технике очень

сложной – в мозаике! – да еще и в стилистике европейской, русскому глазу не привычной.

А что касается итогов первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, то

приведу лишь небольшой фрагмент из доклада Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) от 7 января 1933 г.:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь. У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь. В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. У нас была лишь одна-единственная угольно-металлургическая база – на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще

новую угольно-металлургическую базу – на Востоке, составляющую гордость нашей страны. Мы имели лишь одну-единственную базу текстильной промышленности – на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности – в Средней Азии и Западной Сибири. И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии...»

Именно в атмосфере всеобщего высочайшего созидательного напряжения сформировалось поколение выдающегося русского писателя Юрия Васильевича Бондарева. Да, его ровесников принято называть поколением победителей, поскольку одержанная ими во второй мировой войне победа – это наиболее значительное событие не только в их биографиях, а и в истории страны. Но – это бондаревское поколение победителей уже через пять лет восстановило обрушенную войной экономику страны, собственным ядерным оружием перечеркнуло агрессивные планы США, первым в мировой истории оправило в полет космический спутник и космонавта...

II

Может быть, лучшим из лучших бондаревского поколения удалось, как Ломоносову, в полной мере реализовать свои таланты потому, что советский государственный организм требовал бесконечных хирургических вмешательств. Потому, что

сложился он не только из чьей-то революционной воли и из таких нравственных энергий, как русская интеллигенция (тогда еще не модифицированная), а и, если современными мемами воспользоваться, из токсичных печенок от германского генштаба и от банков США.

Чтобы было понятно, о чем тут идет речь, давайте представим себе, какая орда агентов иностранного влияния была бы сегодня изъята из власти и из влиятельнейших привластных элит, если б в Кремле вдруг появился некий центр, который, подобно одержавшему над пятой колонной сталинскому режиму, взял курс на развитие нашей страны.

Понятно, что всегда найдутся подобные Хрущеву то ли, мягко говоря, карьеристы, то ли, опять же мягко говоря, *люди темные*, которые сначала перевыполняют планы по борьбе с врагами народа, а потом и всю вину за эти перевыполнения сваливают на кого-то. Например, даже и на моей памяти крупнейший советский идеолог Александр Яковлев сначала своею статьей «Против антиисторизма» попытался было заткнуть рот русской творческой интеллигенции с позиций ортодоксального марксизма-ленинизма, а при Горбачеве стал уже и всю страну прессовать с позиций либеральных.

Так что, если учитывать, что и госаппарат, и все наиболее важные

производственные, научные, культурные и прочие отрасли были замусорены и агентами влияния, и всякими безбашенными старателями типа Хрущева, то можно себе представить, с каким перегревом в канун второй мировой войны и после работали социальные лифты.

В результате получился не цивилизационный пирог, состоящий из элитных слоев, а некий винегрет, где в элитах оказывались представители самых разных социальных групп. И вместо правящего сословия была уже правящая партия, в которую мог вступить не только потомок старых большевиков или выходец из революционного класса, а даже и, как автор советского гимна С.В. Михалков, потомок из класса антиреволюционного.

То есть, это была демократия не в том смысле, что каждый мог либо штаны снимать перед публикой, либо одевать, а в том смысле, что каждый мог реализовать свой творческий и общественный ресурс.

III

Поколение, сначала перешагнувшее через бездну самой кровавой войны, а затем и преданное вместе с Отечеством не неким маргиналом, а самой властью, невозможно сравнить с каким-нибудь другим поколением в мировой истории. Как, например, история не знает и такого уникального, как советское государство, цивилизационного проекта, оказавшего не за века, а всего лишь за несколько десятилетий самое значительное влияние на

гуманитарное и социальное развитие почти всех стран мира.

Конечно же, в таком грандиозном проекте должны быть задействованы тысячи и тысячи самых выдающихся деятелей.

Например, даже в сражениях второй мировой войны, где против нас воевала почти вся Европа, а также американские деньги и технологии, на каждом участке и в каждый миг требовались не столько авторитетные и опытные, сколько уникальные полководческие

ресурсы. И если в ряду других полководцев Великой Отечественной войны генерал Катукوف остается до сих пор не самым именитым, то это вовсе не значит, что не он лично с меньшими ресурсами выиграл сражение за Москву про-

тив такого монстра, как Гудериан.

К сожалению, многим созидателям той эпохи пришлось пережить также и её закат. А для этого потребовались уже иные эмоциональные и духовные энергии.

IV

Уже и после развала СССР никогда мне не удавалось поговорить с кем-то из фронтовиков о современных им репрессиях. В канун революции и до середины 20-х годов родившиеся, они пору своей юности запомнили скорее тем, что им «все пути были открыты», а не, как это пытается нам современная пропаганда представить, ожиданием вероломных казней.

Поэт Михаил Федорович Борисов, в одиночку подбивший в Прохоровском сражении около десятка фашистских танков, отвечал на мои расспросы своим вопросом: «А что, разве сегодня не та зараза, которую при Сталине недовычистили, страну нашу погубила?»

Полагая, что разговоры с Михаилом Федоровичем и другими его ровесниками мне пригодятся, я их потом на скорую руку записывал в нетбук; и вот теперь, чтобы найти эти записи, я вбил в поисковик чаще других формулируемые темы наших бесед и, к своему изумлению, вышел на когда-то скопированный мной для чтения текст Аристотеля «Никомахова этика». Да, разумеется, не от Аристотеля Михаил Федорович получил представление о нравственной природе человека. Просто, как подсказал мне поисковик, советский человек или, как теперь его принято называть, «совок», чувствовал бы себя

наиболее комфортно в век Перикла.

Вот, например, я спрашивал у Михаила Федоровича: «Неужели на Прохоровском поле, когда весь ваш расчет погиб, не страшно было вам одному остаться у пушек и по немецким танкам палить?» И он пояснял мне, что во время сражения с немецкими танками чувствовал себя не отчаявшимся одиночкой, а частью бессмертной славы всего своего великого народа. «Это сейчас ночью от ужаса просыпаюсь, и сердце у меня колотится, – рассказывал он. – А тогда умереть в столь великом сражении было совсем не страшно».

И у Юрия Бондарева в повести «Батальоны просят огня» капитан Борис Ермаков рассуждает так: *«Когда убиваешь немца, который стреляет в тебя, – значит, не впускаю. Родину не защищают впускаю...»* И вот это «не впускаю» является оправданием стояния батальона насмерть.

То есть, у советской цивилизации, как и у Древней Греции, *наивысшими* в иерархии человеческих ценностей были героические деяния, требующие от человека *наивысшего* напряжения его душевных и физических сил. И если, например, историки отмечают, что героические деяния у древних греков имели даже и эстетическое значение – как «*проявление прекрасного и возвышенного в их*

единстве» (Ю. Борева, «Эстетика»), то разве советская фронтовая литература не убеждает нас в том же самом относительно героических деяний советского человека?

Единственное, чем советские герои отличались от героев Древней Греции, так это тем, что происходили не из «потомков богов» и не из «достойных мужей», а, как и подавляющее большинство выдающихся советских полководцев, организаторов науки и производства, ученых и деятелей культуры, из самых, что называется, безымянных масс.

Помимо Михаила Федоровича Борисова, примучивал я своими любопытствованиями также и Михаила Петровича Лобанова – выдающегося советского мыслителя и тоже фронтовика. «А как вы, Михаил Петрович, можете считать советскую эпоху наиболее близкой себе по духу, если вам постоянно давали понять, что в советские стандарты вы не вписываетесь?» – допытывался я. И Михаил Петрович мне отвечал так: «Для тех, кто мне навязывает свои стандарты, Родина высшей ценностью не является, им, как Гамлету, не приходится делать

выбор в пользу каких-нибудь высших смыслов, они подчиняются только инстинкту личного доминирования и выживания».

Мне довелось прочитать и частично даже опубликовать в еще «бумажном» варианте «Российского писателя» юношеские стихотворения и письма народного писателя Михаила Николаевича Алексеева, написанные им в окопах Сталинграда. И уж столько в них было отваги, которую можно было бы назвать жертвенной, если б она не была такой бравой.

При чтении алексеевских стихотворений и писем мне казалось, что если бы из смерзшегося окопа и орудийного грохота рука небесная перенесла будущего автора «Драчунов» в тепло и тишину, то он бы даже не обрадовался. И точно так же, когда мы на фронтовых песнях выросли, то хотелось ведь и нам оказаться у «тесной печурки», в которой «вьется огонь».

Пройдя сквозь все прокатные станы своего времени, фронтовики не только не расплющились, а и, что называется, обрели закалку и для нашей послевоенной *мирной* жизни сотворяли самые высокие смыслы.

V

И не случайным является то, что 29 июня 1988 года не кто-то из самых искушенных политиков, а писатель фронтового поколения – Юрий Васильевич Бондарев, – на XIX Всесоюзной партийной конференции, как античный бог из машины («*Deus ex machina*»), появился и вдруг сравнил горбачёвскую перестройку с самолётом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте

назначения посадочная площадка.

И в 90-х, когда признанного во всем мире русского писателя Юрия Бондарева, на российских медийных фабриках уже запрещенного, Ельцин решил какую-то наградой в честь его юбилея все-таки поманить, а Юрий Васильевич от этой награды отказался, то русской интеллигенции показалось, что это так же и она в лице своего национального писателя не

простила Ельцину столь очевидную измену Родине.

И, например, в веке нынешнем, едва Путин вернул российский Крым России, а вся либеральная рать против Крыма взвыла, то именно 90-летний Юрий Бондарев свою подпись поставил первым под письмом творческой интеллигенции, возвращение Крыма поддержавшей. Так что, дабы к Бондареву и к еще живым его

соратникам лишнего внимания не привлекать, пришлось либералам самим быстренько организовать письмо такое же, но подписанное деятелями номенклатурными, готовыми подписать что угодно.

То есть, так оно само получилось, что именно Юрий Васильевич Бондарев с некоторых пор вдруг стал для нас правофланговым всего героического фронтового поколения.

VI

При этом и он, писатель, и его ровесники, после войны ушедшие в науку, на производство и в любые иные сферы деятельности, в отечественной истории остаются не только воинами, а и творцами.

И это не я придумал.

Вот, например, что уже и не скрывает от нас Андрей Фурсенко – один из главных реформаторов нынешнего российского образования: *«...Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца».*

И сам же он объясняет, почему сегодня наша страна, еще недавно являющаяся сверхдержавой, по

уровню развития экономики уже уступает странам третьего мира: *«...а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других».*

Так что смысл трагедии, случившейся с поколением Юрия Бондарева и со всеми нами, заключается не только в том, что мы потеряли страну, создаваемую многие века и многими поколениями, а и в том, что мы как вид человека-творца оказались побежденными и вытесненными на обочину видом человека-потребителя.

VII

Но человека-творца придумала не советская власть.

Например, крупнейший ученый Борис Поршнев (он был историком, психологом, философом, социологом и т.д.), являясь даже атеистом и марксистом, все же вынужден был признать, что человек произошел от гоминидов не в результате развития трудовых навыков, т.е. не по Марксу, а *по причине сбоя в эволюционных процессах*. Потому что эволюция за миллионы лет смогла наделить живые существа любыми свойствами, в том числе интеллектом и использованием орудий труда, но – только не способностью к творчеству. Так что только гоминид, в результате эволюционного сбоя творческий дар обретший и за тысячи лет его не утративший (не

одичавший!), в полном смысле слова человеком может называться.

И когда наш народ теперь клеймят за то, что он к злодею Сталину с каждым годом испытывает всё большее уважение, то надо понимать, что в глазах народа Сталин хоть и запросто человеческими жизнями распоряжался, но – распоряжался не по Фрейду, а как творец новой политической и гуманитарной реальности. То есть, Сталин стоит в одном ряду с Македонским, эллинизовавшим Древний Мир, с лидером Английской революции 1643-1650 гг. Кромвелем, с Петром I и т.д.

И, конечно, всё это требует отдельного и более обстоятельно-го разговора.

VIII

Я пытаюсь представить себе Юрия Бондарева в образе подростка, который в 1941 году вместе с тысячами таких же юных столичных комсомольцев отправился под Смоленск сооружать оборонительные укрепления. Увы, какую бы мобилизационную внутренняя политика страны ни была, но подростки – это всего лишь подростки, и если сами они не возжаждут, то толку от них будет мало. Мобилизационным, и не только по случаю войны, а от желания принести стране и людям пользу, было самосознание если не всех, то значительной части бондаревских ровесников.

Сам же Юрий Бондарев размышлял не так схематично, как я в этой статье о нем, он самоотвер-

женности и единению своего поколения объяснил многими из самой жизни взятыми обстоятельствами, в том числе и словами героя своей повести “Батальоны просят огня” Кондратьева: *«Я сам не знаю, буду ли жить, буду ли, но люблю все, что осталось, люблю... Ведь человек рождается для любви, а не для ненависти...»*

Лишь к лету 1942 года Юрий Бондарев заканчивает 10 классов средней школы и призывается на учёбу во 2-е Бердичевское пехотное училище, которое вскоре было эвакуировано в город Актюбинск.

А уже в октябре этого года он вместе с другими курсантами направляется сразу же в самый ад – под Сталинград – и в качестве

командира миномётного расчёта 308-го полка 98-й стрелковой дивизии. Был контужен, получил обморожение и лёгкое ранение в спину. После госпиталя воевал командиром орудия в составе 89-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии Воронежского фронта. Участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева. В боях за Житомир был ранен и снова попал в полевую госпиталь. За уничтожение в районе села Боромля Сумской области из боевых порядков пехоты трёх огневых точек, автомашины, противотанковой пушки и 20 солдат и офицеров противника был награждён медалью «За отвагу». За подбитый танк и отражение атаки немецкой пехоты в районе города Каменец-Подольский награждён второй медалью «За отвагу». С января 1944 года воюет в рядах 121-й Краснознаменной Рыльско-Киевской стрелковой дивизии в Польше и на границе с Чехословакией. В 1944 г. удостоивается приема в компартию. В октябре направляется в Чкаловское артиллерийское училище, и после окончания учёбы, в декабре 1945 года, его признают по ранениям ограниченно годным к службе и демобилизуют...

И точно так же в 1991 году, когда либералы решили Союз писателей России арестовать, Бондарев среди построивших баррикады защитников писательского дома оказался теперь уже и по возрасту самым старшим. А после ночи, проведенной в рабочем кабинете (он тогда возглавлял наш Союз писателей России), он вполне бодро с нами обменивался шутками, и казалось, что для него вполне привычна вот

эта баталия.

И точно так же в 90-х, когда казалось, что вот еще и еще разок мы выйдем в нашей столице на демонстрацию и прокричим сотнями тысяч голосов «*Банду Ельцина под суд!*», то, как во всех цивилизованных странах, наше правительство, вызывающее у всех граждан не только недоверие, а и чувство стыда, вынуждено будет уйти в отставку, – Юрия Васильевича Бондарева я видел среди демонстрантов самых молодых и энергичных, готовых щиты и дубинки у наступающих омоновцев вырывать из рук.

Бог из машины не знает возрастных преград и усталости, он появляется всегда и везде тогда, когда появится должен по причине своих особых свойств.

При этом надо отдавать отчет в том, что Бондарев к 90-м – это человек, у которого помимо многих высоких военных наград и почетного ордена Отечественной войны 1-й степени – Звезда Героя Социалистического Труда, два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени, Ленинская премия, Государственная премия РСФСР, две Государственные премии СССР и много других наград и премий.

Кто-то иной под тяжестью таких заслуг бронзой бы покрылся и уже не знал, какая погода за окном, а он, когда был депутатом Совета Национальностей ВС СССР 11-го созыва, по-лейтенантски использовал этот свой высокий статус для того, чтобы выразить, например, протест против поворота северных рек...

При этом не надо забывать о том, что отвага Бондарева – это не отвага Солженицына, у которого за плечами стояло ЦРУ вместе с Конгрессом США, не отвага Сахарова с Ростроповичем, каждый шаг которых охранялся «прогрессивной мировой общественностью».

Да и не отвага это была, а, как и у его героя повести “Батальоны просят огня” Кондратьева, это была жертвенная любовь («Ведь

человек рождается для любви, а не для ненависти...”)

А поскольку нескрываемый патриотизм лишал Бондарева давно заслуженного высокого социального статуса и отодвигал его, писателя с мировым именем, на обочину литературной жизни, то можно сказать, что главной своей привилегией Юрий Васильевич Бондарев считает свое, слава Богу, не поддающееся конфискации человеческое достоинство.

X

Да, творческая биография у Бондарева складывалась более чем благополучно. В 1949 году, за два года до защиты диплома в Литературном институте им. А. М. Горького, он дебютировал в печати. В 1953 году у него вышел первый сборник рассказов «На большой реке». Далее были книги «Юность командиров» (1956), «Батальоны просят огня» (1957 г. и в 1985 г. 4-серийный фильм по мотивам повести), «Последние залпы» (1959 г. и одноимённый фильм в 1961 г.), «Тишина» (1962 г. и одноименный фильм в 1964 г.), «Двое» (продолжение романа «Тишина»; 1964), «Родственники» (1969), романы «Горячий снег» (1969 г. и одноимённый фильм в 1972 г.), «Берег» (1975; одноименный фильм, 1984)...

Задолго до горбачевской перестройки он словно бы предчувствует развал СССР, размышляет о

смысле жизни и о предательском с точки зрения фронтовика конформизме. А потом в романах «Искушение» (1992), «Непротивление» (1996), «Бермудский треугольник» (1999), «Без милосердия» (2004) его герои, на мой, может быть, субъективный взгляд, предстают людьми, оказавшимися не готовыми к современной гуманитарной катастрофе, затронувшей не только нашу страну, а и весь западный мир.

Но что значит *неготовыми*?

Русский самородный поэт Алексей Кольцов в своем стихотворении «Лес», посвященном памяти погибшего на дуэли Пушкина, написал так:

*С богатырских плеч
Сняли голову –
Не большой горой,
А соломинкой...*

К чему не готов был Пушкин?

Многие критики (Виктор Чалмаев, например) после публикации первых значительных повестей Юрия Бондарева отмечали, что он делает *«вызов официальной эстетике»*, сопротивляется *«обезличению, стандартизации человека и фактически обескровливанию, слепоте искусства»*. Позже и Вячеслав Саватеев в своей статье «Батальоны, вызывающие огонь на себя» обращает внимание на то, что *«уже в первой повести «Юность командиров» фронтовик Дроздов после просмотра фильма говорит: «Все пригладили и прилизали /.../. Представляю, как лет через двадцать-тридцать люди будут смотреть эту картину и удивляться: неужели такая игрушечная была война? Сплошное «ура!» и раскрашенная картинка для детей. Стоило герою бросить гранату на высоту, как немцы разбежались с быстротой страусов. Разве так было? Немцы дрались до последнего, а мы все-таки брали высоты /.../. Война – это пот и кровь. А герой – это работяга. Этого бы только не забывать»*. И обращает внимание на то, как К. Симонов отмечал, что следующая бондаревская повесть «Батальоны просят огня» *«многому научила даже маститых писателей»*.

И сам Юрий Бондарев считал, как рассказывает В. Саватеев, что его герои *«родились «от живых людей», от тех, кого он встречал на войне, с кем «вместе шагал по дорогам сталинградских степей, Украины и Польши, толкал плечом орудия, вытаскивал их из осенней грязи, стрелял, стоял на прямой наводке, спал, как говорят сол-*

даты, на одном котелке, ел пропахшие гарью и немецким толом помидоры и делился последним табаком на закрутку в конце танковой атаки»».

И я бы придал этой бондаревской правде о людях, которых он на войне встречал, тот смысл, который критик Юрий Селезнев называл в военной прозе *«семенами человечности»*.

То есть, читая фронтовую прозу Юрия Бондарева, легко можно предположить среди его лейтенантов и рядовых также и Ивана Африкановича – героя повести «Привычное дело» Василия Белова.

А если вспомнить «Загадку 37-го года» Вадима Кожинова (о том, что был не только сталинский проект советского будущего, а и троцкистский, куда более суровый и о «семенах человечности» уж точно не помышляющий), то становится понятным, что это вслед за фронтовым писателем Юрием Бондаревым «деревенский» писатель Василий Белов в «В привычном деле» сопротивляется *«обезличению, стандартизации человека и фактически обескровливанию, слепоте искусства»*.

Мое замечание никак не умаляет достоинства «деревенской» литературы. Но если Александр Яковлев обвинял русских почвенников в том, что они искажают идейную природу советского человека, в том же самом, вплоть до игнорирования в войне роли партийных работников, уличали и Юрия Бондарева.

Я всего лишь хотел сказать, что Юрий Бондарев в исторических смыслах послевоенной русской

литературы такой же почвенник, как пришедшие вслед за ним в

литературу Василий Белов или Валентин Распутин.

XII

Опять же читателям более молодым, чем я, может показаться, что почвенники – это всего лишь наше русское национальное и, к тому же, только литературное явление. На самом же деле такими, как Бондарев или Белов, почвенниками являлись все последние лидеры европейских государств, не утративших статуса национальных: де Голь во Франции, Улоф Пальме в Швеции, Альдо Моро в Италии...

Если же с позиций нашего бывшего министра образования Фурсенко взглянуть и на отказ Европы от своей почвы (национальных культур и национальных государств), и на попытку современной России найти любую суррогатную замену таким, как Бондарев или Белов, национальным писателям,

то всё это можно расценивать лишь как насилие над уникальнейшим во всей биосфере живым существом – над человеком-творцом! – и над его культурной средой как над единственной нетоксичной по отношению к нему почвой.

Или, например, уже и либералка Людмила Улицкая не выдержала создавшейся в нашем постсоветском обществе духоты и резюмировала так:

«Отрицательный отбор, он идет на уровне культурном, на уровне нравственном. И это, я думаю, создает главную проблему сегодняшней власти. Это люди, которые очень легко прочитываются. Я не вижу там сложных людей. Довольно простая картина. Печальная».

XIII

Проще всего сказать так: любым антропофобным системам власти противостоит только то, что подобно русской литературе в её самых высоких смыслах, в том числе «Ваньке Жукову» Чехова и «Станционному смотрителю» Пушкина. Или – «Привычному делу» Белова. Или той прозе Бондарева, где его герои живут и погибают по причине любви, а не ненависти (это если совсем уж упростить). Потому, что человек по природе своей не индивидуалист и эгоист, а существо социальное, общественное, общее благо предпочитающее благо лич-

ному.

И если кому-то кажется, что слишком высокопарно я рассуждаю, то изъяснюсь *низким стилем* Козьмы Пруткива: *«Чрезмерный богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, сосущей с аппетитом собственную грудь у колыбели голодающего дитяти».*

Опять же, если бы удалось спасти нашу страну в 1991 или в 1993 годах точно так же, как в 1945-м, то сегодня о почвенничестве Бондарева я писал бы как об органичном для русского самосознания превращении сталинизма в

антисталинизм. Потому что русская литература, если б её естественное развитие не было приостановлено в постсоветский период, неизбежно вступила бы в гораздо более глубокий, чем в послевоенный период, конфликт с мобилизационным отношением к человеку.

Как и у Пушкина в «Медном Всаднике», это был бы нравственный конфликт между личностью и государством, а не политическое противостояние русских писателей проекту первого в мире социального государства как таковому.

Но русскому историческому типу атисталинизма состояться было не дано.

А сегодняшнее возвращение культа Сталина в русское массовое самосознание объясняется лишь тем, что жертвы сталинской эпохи приносились все же во имя всеобщего благополучия, – в то время как жертвы нынешних либералов приносятся во имя благополучия лишь небольшой группы людей, которых, я повторю еще и еще раз, реформатор нашей системы образования Фурсенко уважительно называет потребителями и относит к виду, противоположному человеку-творцу.

Впрочем, можно всё перевернуть с ног на голову, но без человека-творца мир не простоит ни

единого дня. И если жизнь продолжается, то это потому, что в ней все-таки присутствует Юрий Бондарев. На эту деталь, как на само собою разумеющееся, обращает внимание и новый русский писатель Василий Дворцов в одной из своих вовсе не пафосных, просто о жизни, статей:

«Бронепоезд «Моздок– Ханкала» забит до предела – затекающие потом бойцы в разгрузках, с оружием, а в ногах, в проходах, на верхних полках сплошь объёмные вещмешки и рюкзаки, бронежилеты, коробки с сух.пайками, аккумуляторы. Окна закрыты, и духота, духота, какая возможна в июне на крайнем юге России. Ползём пять-семь километров в час, впереди минёры проверяют каждую шпалу. Наискосок напротив, оттиснутый тремя уже мягкими от жары спецназовцами, притулился худенький белесый лейтенант, горбится над затрёпанной книжкой. Дождавшись, когда он, перелистывая страницу, поднял глаза, спрашиваю: «Что читаем»? Лейтенант в ответ чуть-чуть улыбается, извиняя мою недогадливость, показывает обложку: «Батальоны просят огня». Ну, да, правда, как же я мог не догадаться! – да, конечно, лейтенант читает «лейтенантскую прозу»...»